Предисловие

Этот текст был написан по настоянию моей дочери и внуков, которые живут на Селезневке и с трудом представляют мои фрагментарные рассказы о том, как это место выглядело и функционировало во времена моего детства 50-х, юности 60-х-70-х годов, так как они от рождения видели практически то, что видят и сейчас. И уж совсем с трудом воспринимают тот послевоенный уклад жизни, который создал мое поколение, который изредка мелькает в более-менее удачных примерах кинореконструкций.

А мне самому, выросшему здесь при совершенно иных временах, перемены, произошедшие на моих глазах, уже давно кажутся естественными. Но это только потому, что я это видел. И, слава Богу живы еще многие, кто тоже это видел и приврать мне будет трудно. Хотя и местность, где когда-то текла Неглинка и люди, населявшие это место теперь совсем другие. И ландшафт совсем другой, а не тот, что видел молодой Федор Достоевский. Зато ансамбли времен Екатерины II и после нее, храм Пимена в Воротниках, Селезневские бани и несколько крепких городских усадеб XIX века были, есть и, наверное, будут объединять всех живших и тогда, и сейчас. Спасибо памятникам истории и архитектуры и, конечно, тем, кто их создавал. Это — мостик из прошлого в будущее и с этим нам всем очень повезло.

Я не историк и в описываемых событиях не пытаюсь придерживаться строгой хронологии, да я ее не очень-то и помню. Но мне кажется интересным соединить богатую историческую подоснову места, тогдашнее бытовое окружение и некоторых обычных и знаковых персонажей ушедшего поколения, повлиявших на тех, кто собирался жить и создавать сегодня.

В книжке использовано 125 фотографий открытого доступа, девятнадцать иллюстраций в виде рисунков, схем и собственных фотографий, предоставленных автором. Я выражаю огромную благодарность Самойловой Юлии Владимировне и Самойлову Савве Игоревичу, оказавших неоценимую помощь в подготовке и оформлении этого очерка недавней истории.

Владимир Юдинцев

Начало Селезнёвки 1965 г.

Баррикада 1905 г.

Баррикада 1917 г.

Селезневка

Селезневка — улица в Тверском районе, названная по фамилии жившего там домовладельца Селезнева. Но про него я узнал недавно, а раньше, мы, знавшие, что по трассе нынешней Новосущевской протекала Неглинка, думали, что на ее запрудах было полно живности и уж без селезней эта фауна не смогла бы никак обойтись. А было бы красиво. Сегодня от каскада Неглинных прудов налицо только «Андропова яма», которую чаще называли «Синичкой», почему, не знаю, но тоже душевно. У Синички любили фотографироваться «с отражением» а еще пили, дрались и ловили рыбу. Место было активное, намного живее, чем сейчас. На плотике жили утки.

Главным местом была Екатериниская площадь, она же Суворовская. Противоречия никакого, Суворов с Екатериной дружил и служил. Исходным местом на площади была когда-то загородная усадьба Салтыковых с огромным парком. На ее

Здание Сущевской части (управа, полиция, пожарная команда).

месте возник институт благородных девиц на манер Смольного в Питере. На севере от площади Д. Жилярди с А. Михайловым в 1806 году выстроили комплекс Мариинской больницы для бедных по чертежам Джакомо Кваренги, автора больницы на Литейном, все в том же Питере. Это сооружение и дало нам

Селезнёвские бани всегда на месте.

Дом семьи Сокольских (д. 42 в 1937 г.)

Достоевского, где его отец служил фельдшером. Следом, еще севернее появляется Александровский институт, сначала бывший Вдовьим домом, Мещанским училищем, а затем филиалом Екатерининского «института для дочерей неимущих дворян и разночинцев». Автор — все тот же Д. Жилярди, работавший тогда с сыном.

Перекресток Селезнёвки и Сущёвской ул.

И, наконец, в 1940 году появляется лидирующий объект Екатерининской площади (теперь уже пл. Коммуны) да и всего окружения — театр Красной Армии, сыгравший роль гигантского шарнира, объединившего распластавшиеся по бровке поймы р. Неглинной разнонаправленные линейные классические ансамбли от Александровской площади до Самарского переулка. По числу ордерных колонн это место обошло все дворцовые построения в Лефортово, в центре и других местах Москвы, отмеченных имперским значением. К самому объему театра можно относиться по-разному, хотя Каро Алабян и Василий Симбирцев — признанные архитекторы первого ряда. На большинство критиков сильно давит байка про пятиконечную пепельницу в кабинете Ворошилова, якобы послужившую прообразом театра. Сложно представить, во что давили окурки, если это была звезда. Вряд ли это тогда была пепельница. Но роль главного объекта у театра уже не отнять.

Дом № 40, корпус 2 (план 1937 г.).

Дом № 19 купцов Шурупенковых.

Дружные ребята из дома 2 по ул. Достоевского.

Перекресток будущих ул. Дурова и Самарского пер.

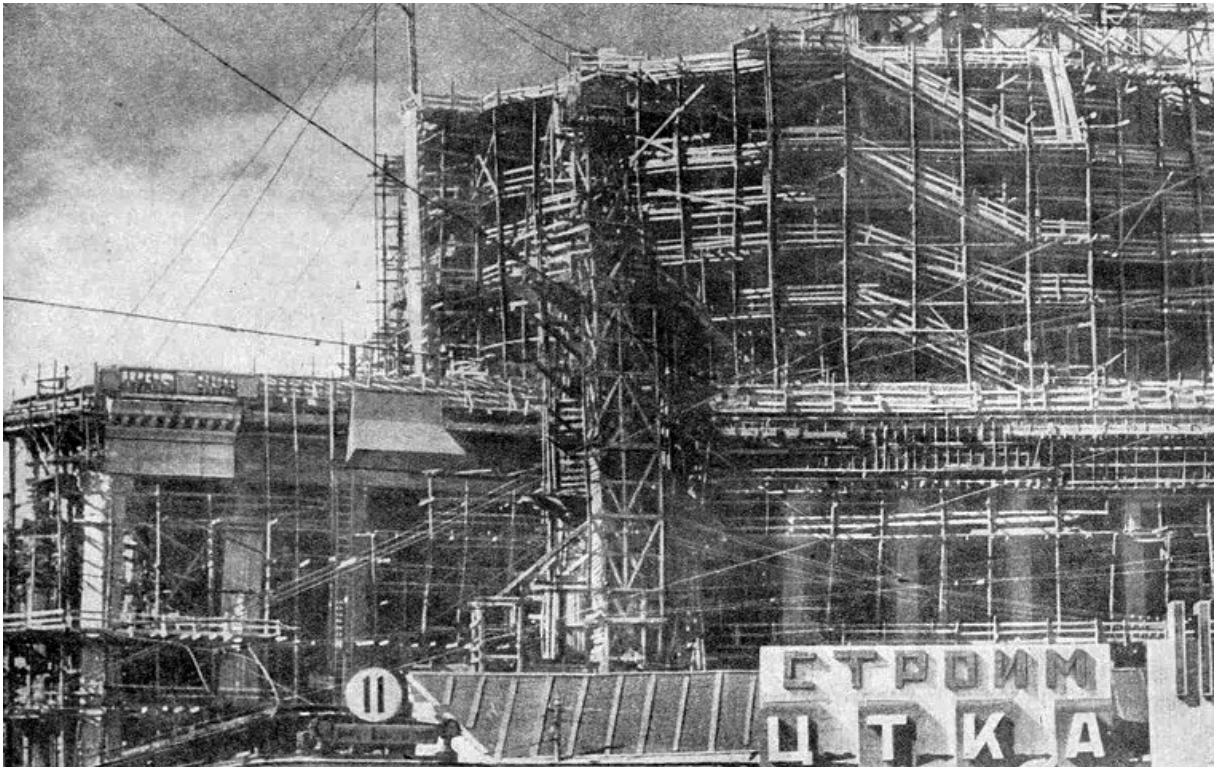

Актёры до или после репетиции.

Дважды подрастала в Москве фоновая жилая застройка, а театр оставался главным ориентиром района. Он господствовал и это стоит уважать. Вертикальные сцены театров (зал над залом) крайне редки из-за сложности конструкций, но это сделано в конце 30-х и эффект налицо.

Театр

Мое личное отношение к театру Красной Армии никак не претендует на объективность. Оно ангажировано уже тем, что я вырос на ул. Достоевского, в квартире, где единственное окно выходило на угловую колоннаду театра а, если смотреть наискось, то и на северную часть площади Коммуны. С 1944 по 1980 годы я был невольным очевидцем фрагментов театральной жизни. Утром по бессмысленно широкой боковой лестнице наискосок торопливо шли большими шагами артисты обоих полов, среди которых узнавались такие

Строили с деревянных подмостей.

звезды как Любовь Добржанская, Людмила Фетисова, Людмила Касаткина, Андрей Петров, Владимир Зельдин (всегда в кепочке), Станислав Чекан, Владимир Сошальский. После спектаклей на том же косом спуске их поджидали поклонницы с цветами, а после премьер выстраиваясь длинным коридором вниз

Театр перед войной.

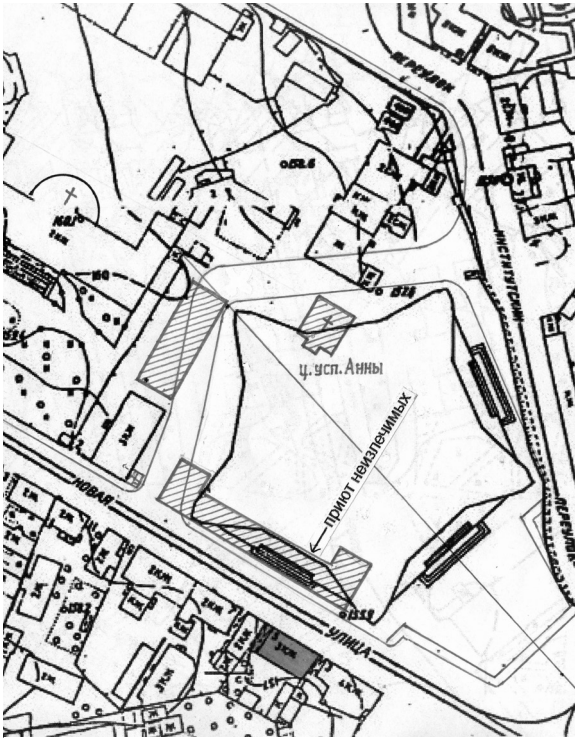

Схема сноса под строительство.

В 1937 году ещё шла отделка.

по диагонали. Иногда актеры парами ходили по колоннаде вокруг, активно жестикулируя и что-то выясняя. Частенько эти круги нарезал, с кем-нибудь беседуя, Андрей Попов, ставший главным режиссером театра, высокий, красивый, вежливый. Мало у кого были личные машины, и значительная часть жизни артистов была легко наблюдаема извне.

В 1966 г. на ул. Советской Армии 3 был построен жилой дом для театралов, где жила и часть труппы ЦТСА. И группа народных и знаменитых актеров, видимо друживших, по утрам бегала трусцой и разминалась в парке ЦДСА на излюбленной аллее со скамейками. А я заряжался на соседней аллее и видел, что разминаются они вяло, все больше спорят и обсуждают. Были заметны Михаил Майоров, Марк Перцовский, Андрей Петров, но мелькали и молодые актеры, видимо эта неформально-клубная форма общения всем была в удовольствие,

судя по внезапным взрывам хохота. Это утром-то.

Похожая компания актеров ходила в определенный день в Селезневские бани и там верховодил Станислав Чекан, могучий и громкий. В парной он разгонял такой крутой пар, что все лишние быстро вылетали, а он лечил вениками спины коллег. Банщики эту компанию оберегали, водили в очередь к массажисту и бесперебойно носили пиво. Это были искренне любимые посетители. Чаевые тут явно были вторичны.

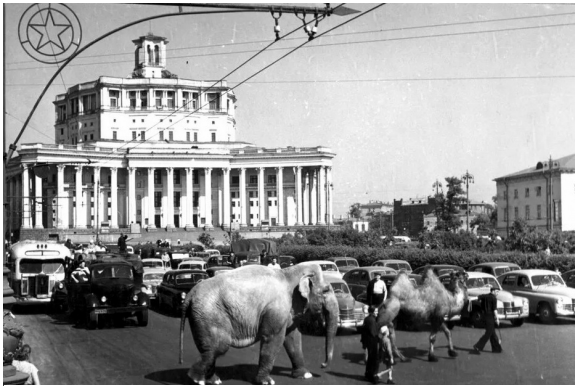
О самом театре скажу, что внутри он впечатляет интерьерами не меньше, чем наружной монументальностью. Там светло, мощно и как-то упруго. Особенно сильно воздействуют угловые двухсветные лестницы, освещенные с 2-х сторон и очень просторные кулуары, где не бывает тесно при любом наплыве зрителей. Постановочные возможности были изначально завышены в расчете на массовые действа и, возможно, битвы. Проходя мимо,

Предполагались скульптурные группы, но не пошли.

Вид сверху. Равных нет. Справа дом, где родился Достоевский.

В 50-х и 60-х такие выгулы были частыми.

В 90-х начались дела с «Метрострое».

я не раз наблюдал, как гигантская пасть технического проема поглощала с фур огромные фрагменты декораций. Где-то далеко внутри виднелась сцена главного зала. Все было похоже на вход в большую и глубокую пещеру. Много позже в 80-х я слышал от театральных художников что это самая тяжелая сцена для постановочного осмысления и «обживания». Ее размеры все чаще становились обузой, и суета в зоне загрузки постепенно затихла. Прощай, советский гигантизм.

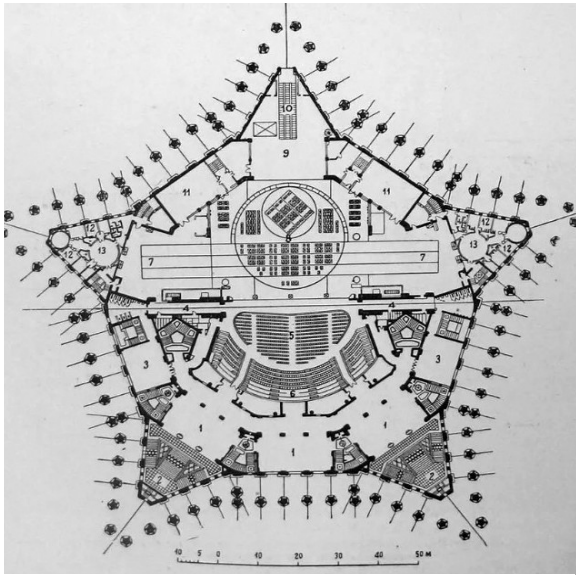
Конечно, эта гора в центре города будоражила воображение подростков и время от времени совершались тайные экспедиции на крышу под флаг. Было замечено, что его обновляют, а значит есть ход. Мой старший на 15 лет двоюродный брат рассказывал, что лазал туда с другом по наружным лестницам до войны, когда флага еще не было, театр достраивался. А те, что забирались в 50-х рассказывали, что от ветра флаг трещит с грохотом салюта, находиться там стремно, и даже рас-

сматривать город неуютно, полотнище метров 6 попросту рвется и его быстро и регулярно меняют ночью за счет МО, куда театр и приписан.

Каждый вечер из театра по нечетной стороне Селезневки, где в 50-х и позже была очень качественная аллея из двух рядов развесистых лип, ежедневно шли две группы зрителей от большого и малого залов к метро Новослободская. Люди шли неторопливо, чаще парами и обсуждали впечатления от спектаклей. А мелкая селезневская шпана, к которой относился и я, иногда исполняла свой спектакль, завершающий вечер. Не помню, кто придумал, но, завидев вначале аллеи плотненький поток зрителей, кто-нибудь из нас исполнял несложную пантомиму. Он делал вид, что привязывает к дереву шпагат или проволоку и натягивает ее на липу противоположного ряда, «закреплял» и тихо скрывался. Аллея освещалась фрагментарно, и место выбиралось перед фонарем, чтобы работал силуэт. Поток приостанавливался, недол-

Половина плана 1 этажа — сцена и загрузка.

Большой зал.

Кулуары 1-го этажа.

го размышлял и всегда сворачивал на мостовую Селезневки, которая вечером пустовала, но была хорошо освещена, и была, в общем, безопасна. Раза три я в этом участвовал, и все происходило одинаково. Люди послушно избегали проблем и сворачивали, а ты поражался, как легко все ведутся, и как просто пробудить стадность. Эксперимент срывался, если в потоке зрителей случался разрыв, и только очень редко находился смельчак и шел напролом, смешно поводя перед собой руками. Шутка была, конечно, дурацкая, но почти безобидная, а сколько знаний мы получили по социальной психологии? Значит и полезная.

На площадке перед театром с 40-х до конца 70-х годов играли в мини-футбол. По выходным люди постарше уже сложившимися компаниями, созвонившись, а по будням — пацаны школьного возраста. На ограждающих камнях сидели болельщики и иногда орали. Но менты не трогали. Иногда они

и сами приходили поиграть кучкой. Без формы, конечно.

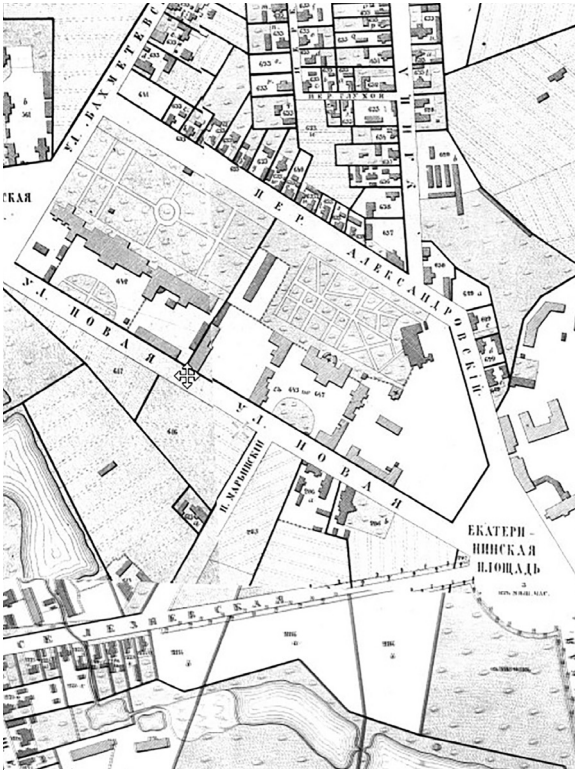

Место

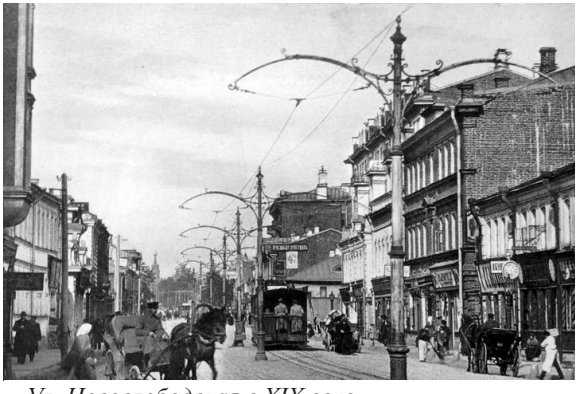
С 1944 года я жил в квартале, между ул. Селезневская, пер. Досто-

В войну театр маскировали, чтобы не служил ориентиром для Люфтваффе.

В 1852 г. на Селезнёвке ещё были луга.

Ул. Новослободская в XIX веке.

евского (бывший 1-й Мариинский) и ул. Достоевского (бывшей Новой Божедомкой). Это треугольный квартал, а сама ул. Достоевского была тихая. Кроме суеты у служебного подъезда театра, дома в начале улицы были жилые, без объектов обслуживания. В правом флигеле Мариинской больницы была аптека с угловым г-образным крыльцом входа. Сейчас его нет, аптеки тоже. Напротив, через улицу, была очень популярная молочная с расторопными и приветливыми продавщицами (до сих пор помню их в лицо). После остановки трамвая № 50 в устье Достоевского переулка был молочный завод, где делали много чего, но именно там начали делать знаменитые глазированные сырки. Дальше была обычная школа № 193, где учились сначала мальчики, затем с 1956-го и девочки тоже. Напротив школы — морг туберкулезной больницы, а за школой, на площади Борьбы, 59-я больница. В общем — сплошная медицина от аптеки до морга. Достоевский переулок ни-

чем особо не знаменит, кроме трассы трамвая и того, что он направлен точно на великолепный памятник Достоевскому работы С. Меркурова, который из-за густой зелени мало кто замечает. Да, еще от середины переулка вглубь квартала шел Мариинский тупик, тихо ушедший в 60-х в период сноса деревянных домов. Сейчас бы он двусмысленно звучал как «тупик Достоевского». А вот Селезневка всегда была активной. Застройка шла от Новослободской ул., а на плане Хотева 1852 года от Мариинского переулка до Екатерининской площади еще были луга. В этом запаздывании, конечно, вина Неглинки, шедшей по трассе будущей Новосущевской улицы, тогда еще каскадом прудов. Зато в конце незастроенной еще Селезневки призывно манил портик Екатерининского женского института, потом ставшего Центральным домом Российской армии. Прошло сто лет, и в середине XX века и треугольный квартал, и квартал от Селезневки до 3-го Самотечного пере-

Мариинская больница с памятником Достоевскому.

В 26 Фёдор Михайлович навсегда покинул Москву.

На 1-м этаже музей — квартира Достоевского.

улка, после заключения Неглинки в трубу, были плотно застроены одно, двух и трехэтажными домами. Большинство фонда было деревянным или смешанным. Из дерева были и старые частные дома и коммунальные бараки, возникавшие как грибы в 20-х–40-х. Любой фонд был пригоден для жилья. Многие

Храм Иоанна Воина с «Божьим Домом» на месте отеля «Славянка».

мои одноклассники жили в подвалах, освещаемых через приямки, кому-то повезло жить в доходных домах, там могли быть и ванны, а если в доме котельная, то и горячая вода. Отопление было печное, а во дворе стояли дровяные сараи. Дровами запасались посемейно на дровяной площади у Садового кольца, нанимали полуторку и привозили, а потом еще и кололи, как в деревне. Отсутствие горячей воды приводило обычно в Селезневские бани, где можно было встретить и завуча, и участкового в своем естестве. Это невольно роднило всех.

Большая часть деревянных домов стояла с «до революции» и с большим трудом дотянуло до 60-х. Неряшливая эксплуатация и протечки приводили к восьми разновидностям грибка и стойким запахам, и люди искренне мечтали переехать куда угодно. К тому же «деревяшки» охотно горели, и на пожар сходилось много народу. Толку в этом мало, это было что-то вроде похорон ушедшего времени. Но мужики в горящий дом

Для фигуры Достоевского скульптору Меркурову позировал А. Вертинский.

В этом флигеле Мариинской б-цы родился Ф. Достоевский.

Начало Новой Божедомки от тогдашней пл. Коммуны. 1950-е.

храбро бегали спасать что-нибудь нужное. Зеваки ахали, вернутся, или нет — событие!

Дом на Божедомке

Пора описать наш дом. Таких крепких кирпичных больше не было. Разве что на углу Селезневки и Достоевского переулка усадьба купцов Шурупенковых, ставшая в 1990-х элитным клубом. Но стены нашего дома были толще — 86 см. Принадлежал дом аптекарю Льву Савель, построен в 1887 году. Говорили, что аптек «Савель» было всего 3 по городу, но где остальные не знаю. Дом имел парадную и черную лестницы в середине корпуса, стоявших «спина к спине». В половине 1-го этажа была сама аптека, на 2-м этаже над ней готовили лекарства и через люк в полу спускали вниз. На 3-м этаже жила семья Савель с двумя дочерьми, своевременно выданными замуж. Одна стала Козловой, другая — Фрид. Вто-

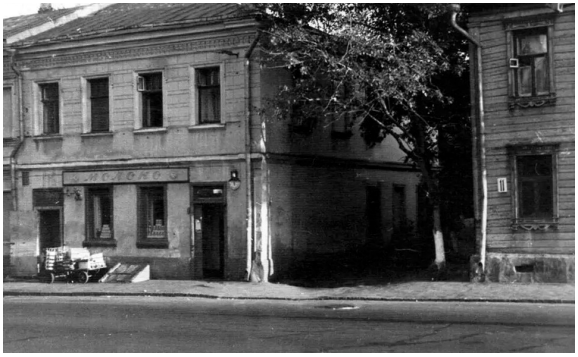
Слева аптека, справа — молочная. Тёмный дом № 5 по ул. Достоевского — наш.

рая половина дома сдавалась внаем, все 3 этажа. После гражданской войны весь дом разбили на коммуналки и в нем жили очень много семей. Вместо аптеки на 1-м этаже разместилось дезинфекционное бюро, у которого был пикап, и толстые важные тетки в белом выезжали опылять помещения с заразой.

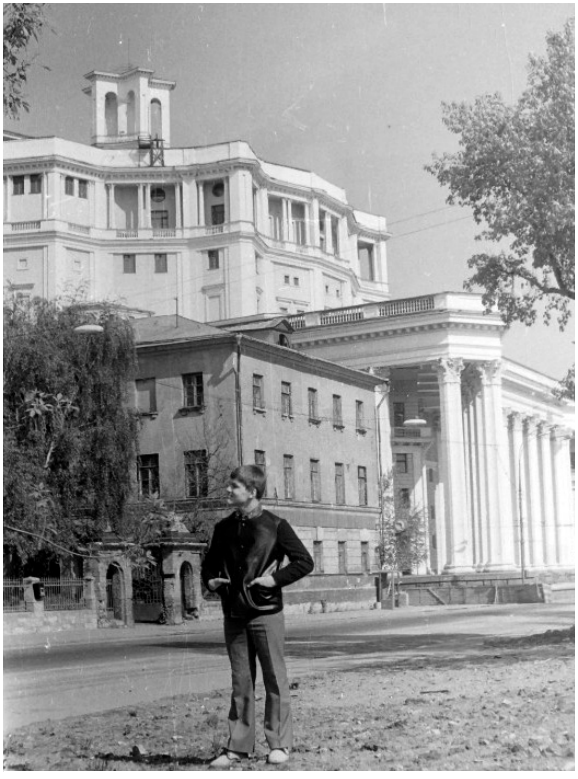
Меня в 1944-м привезли младенцем из Нарьян-Мара, где родители работали в долгой экспедиции, отец

Спасибо дочерям дворянским, что и у нас ансамбли есть.

В «молоке» всё было свежим

На втором плане — разборка углового крыльца аптеки.

картографом после финской войны, мать — агрономом после Тимирязевки. Оттуда отец уехал на фронт ВОВ, через полгода погиб, а я родился и мать повезла меня в Москву к родителям, которые жили на Новой Божедомке в доме № 3 и уже давно смотрели на колонны театра Красной Армии. Пятикомнатная коммуналка, где раньше делали лекарства имела такой расклад: 2 комнаты занимали бывшие хозяйки аптеки «Савель» Анна Львовна Фрид и Фанни Львовна Козлова. Единственное, что они отстояли у Советской власти 2 лицевых счета, каждая на свою комнату. В одной они жили, а другую сдавали. 2 комнаты с одним окном (12 и 9 м) числились за моей тетей, ушедшей на фронт и работавшей в полевом госпитале. Там жили ее родители и сын Алик на 15 лет старше меня. Вместе со мной, мамой и вернувшейся тетей — капитаном медслужбы на 21 метре с одним окном и темной комнатой нас было шестеро. Помню, что долго я спал на столе, за которым днем ели, а брат под столом. И, хотя

стол придвигали к стене и меня обкладывали валиками, я пару-тройку раз с него падал. Видимо на брата, потому что цел. Пятая комната, самая большая условно принадлежала инженеру Ивановскому, важному спецу по авиации, жившему в Ленинграде, но постоянно приезжавшему в Москву по делу. Население этой комнаты все время менялось. Когда Ивановский приезжать перестал, там несколько лет жила его красивая

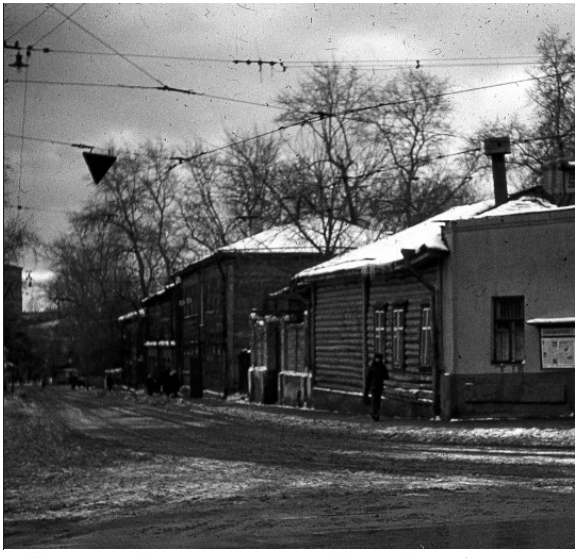

Перекрёсток ул. Достоевского и Чернышевского переулка.

Единение пациентов «Маришки» и её персонала.

Переулок Достоевского от Новой Божедомки. Правый фронт.

упитанная дочь с мужем, полковником авиации, Героем Советского Союза. У них родился сын Коля и в коридоре появился сундук, на котором спала их няня — домработница Вика из деревни под Москвой. Она спала под настенным общим телефоном и зычным голосом всех к нему звала. Потом в этой комнате жила семья Владимира Минина, тогда еще молодого дирижера хора им. Пятницкого с красивой женой, солисткой ансамбля «Березка» и двумя детьми. Их сменила семья шофера ГОНа (Гараж Особого Назначения), отвоевавшего мальчишкой — пулеметчиком (в 17 лет) и чудом уцелевшего, с женой, работавшей в буфете Кремля, а позже ставшей секретарем-референтом К. Черненко, недолго бывшего ген. секретарем ЦК КПСС.

Заметьте, все эти непростые люди жили очень тесно и без удобств и фактически с одним унитазом, умывальник был на кухне. Там и умывались и все остальное. На кухне у каждой семьи — свой столик, за которым готовили и, мак-

симум, завтракали по двое. Большая еда была уже по комнатам.

Меня всегда восхищала пара старушек — бывших владелиц дома. Не знаю, почему они не уехали, их родственники жили во Франции. Иногда они получали письма и показывали фотографии родных. У одной была, кажется, дочь в Париже. Видимо, они остались при мужьях, пока те не ушли естественным путем. Они обе работали. Одна — в министерстве авиации и иногда рассказывала про известных летчиков. Как Чкалов материл охрану у проходной «Вы, … тут торчите, а там … погода летная, зря … лычки нацепили и т.д.» И со всех этажей девушки сбегались на него смотреть и как все они рыдали, когда он или кто-то другой разбивался. У старушек была одна близкая подруга — это мать артиста Зельдина, с которой они долго общались по телефону. За 30 лет соседской жизни я ни разу не слышал ни жалоб на судьбу, ни критики порядков. Они лечились сами какими-то тра-

Левый фронт пер. Достоевского от Новой Божедомки.

Вход в Александровский институт благородных девиц. XIX век.

Чуть правее этого места сегодня находится вход в ст. метро «Достоевская».

До 80-х в усадьбе (дом 29 по Селезнёвке) был детский сад.

вами и болели крайне редко. По любому поводу могли дать медицинский совет и их всегда слушались. Зримым показателем эффективности их лечения были два огромных кота Бузя (23 года) и молодой Васька (18 лет). Когда я выходил на кухню или к ним в комнату, коты обычно уже сидели на табуретках. Я никогда не видел, как они туда залезали. Но слезали они красиво. Сначала раскачивались и прицеливались, по-

том прыгали вниз, табуретка отлетала, а они не сразу могли остановиться, их несло. Остановившись, они запоздало оглядывались на стук табуретки и, убедившись, что она лежит, спокойно шли куда надо. К сестрам крайне редко кто-нибудь заходил, телевизора у них не было принципиально, но они были в курсе всего на свете так как радио почти не выключали. Когда они ослабли, то всю пенсию отдавали медсестре из тубинститута и она им готовила еду и убирала, а я по утрам наливал им кипяток в какой-то уже готовый травяной набор. Ушли они одна за другой с разницей в год-два. И хоронить пришлось мне, в общем-то не самому близкому человеку. Были еще две соседки напротив, чуть помоложе и помнившие их молодыми. Они тоже были сестрами, но с комсомольским прошлым одна журналистка, освещавшая еще строительство Днепрогэса, другая — врач. Очень интеллигентные и к обоим Львовнам относились вполне приязненно, без классовых предрассудков.

Слева дом 5, справа дом 3 по новой Божедомке (внизу со двора).

Во флигеле до аптеки была детская поликлиника с фресками по верху стен 1-го этажа из иллюстраций И. Билибина к сказкам.

Комсомольцы 20-х из домов на территории «Мариинки».

Храм св. Пимена в Воротниках сегодня.

Из Парижа никто не писал и не звонил. Получается, что от их жизни, так хорошо начатой, не осталось никакого следа, даже дом вскоре снесли, самый крепкий в квартале. Както все несправедливо закончилось. До сих пор их жалею.

Пару слов про дом № 3 по Новой Божедомке. С него улица начиналась от пл. Коммуны. Это самый большой и густонаселенный кирпичный 4-х этажный дом, выходивший на площадь глухим торцом. Иногда он фигурирует на старых снимках театра. В подвале размещалась котельная и в квартирах были ванные с горячей водой. В нем жил лихой парень по кличке «Вига» с очень красивой сестрой, классный портной Виктор Каусал с юным братом Володькой. Виктор обшивал всех, в том числе и меня, молодого пижона. Но главной фигурой этого дома был тогдашний священник (а может быть и дьякон) храма св. Пимена, давшего название улице (ныне Краснопролетарской) и примыкавшему к ней тупику. Священник был очень колоритен. Вы-

сокий, полный, с большой седой бородой и кудрями, но с таким приветливым и добро-лучистым лицом, что, встречая его, невольно улыбаешься тоже. Он шел после службы по той же Селезневской аллее, размахивая большим портфелем, занимая чуть ли не всю ширину тротуара. Проскочить незаметно было просто невозможно. Мы, твердо выученные, что бога нет, удивлялись на многих женщин и некоторых мужиков, которые кланялись и коротко благословлялись им. Мы, подростки, тоже потихоньку начали здороваться в силу его значительности, но как-то воровато, чтобы не видели знакомые. Все чего-то стеснялись, хотя сосед же, простая вежливость. Пионеры-комсомольцы, дурачье. Люди заметно потянулись к православию только в конце 80-х. Храм же с алтарями самого Федора Шехтеля и расписанный строгановцами при его же «смотрении» «под Васнецова», сегодня один из самых красивых и привлекательных в Москве.

Вид на храм св. Пимена в 30-х годах.

Алтарь храма св. Пимена работы Ф. Шехтеля.

Иван Егорыч

Так звали старшего дворника нашего треугольного квартала. Были еще просто дворники, но они были сменные, то есть на какое-то время, а Иван Егорыч был всегда. Его историю появления я не знал. Это сейчас все интересно знать в развитии, а я был подростком со своими заботами и особым любопытством не отличался. Знаю, что он прошел войну и был уже очень взрослым, лет под пятьдесят. Тип лица — что-то среднее между актером Евгением Леоновым и Никитой Хрущевым. Телом был крепок, без живота. Роста среднего, лицо вечно загорелое от нахождения на свежем воздухе, как у гаишника. За дворницкими уборками территории его видели редко, ну разве что при больших снегопадах и прочих авралах. По жизни он был организатором и изобретателем в одном лице. И точно обладал инженерным мышлением, не по зарплате и не по чину. Его вызывали при любой протечке,

пропаже света, установки антенны TV, и, практически по всем проблемам с системами обеспечения жизни в нашем тогдашнем капитальном фонде. Деньги за услуги он брал избирательно, так как у него тоже был социальный регулятор. Он один заменял сантехника, электрика и слаботочника, хотя эти спецы тоже где-то существовали, но, как правило, все были пьющими, а Иван Егорыч совсем в этом замечен не был. Потому и востребован и любим, хотя был человеком сдержанным и немногословным, то есть вполне, по-современному, деловым.

Когда настало время отказываться от печного отопления, то организация котельных и их обустройство стало делом и заслугой Ивана Егорыча. Поясню, тогда еще не было центрального отопления, то есть ЦТП еще не стоял в каждом квартале, а были котельные, размещаемые в подвалах на один большой дом или на пару-тройку поменьше. Как он освоил это дело, не знаю, но Иван Егорыч все про это пони-

Случайная встреча фронтовиков напротив Достоевского переулка.

Во дворе этого дома в 50-х был небольшой рынок.

Начало Селезнёвской аллеи у дома Шурупенковых.

Селезнёвка.

мал и практически руководил рабочими, как инженер. Человек он был незаменимый и загадочный. Жил в доходном доме Крашенинникова (Селезневка 19), как и положено дворнику, на 1-м этаже в комнате на углу дома с очень красивой чуть полноватой женщиной, с виду очень породистой, по всему облику, обладавшей каким-то умиротворяющим эффектом. Наверно дело было в форме глаз и бровей, искренних и добрых. Невольно возникал вопрос, как же он такую завоевал. Ведь его внешность была явно ординарнее и плейбоем он не выглядел. После его визита в наш дом (не помню, по какому поводу) я спросил у соседки напротив, которая была журналисткой и все знала про всех: «Откуда он такой клевый, откуда жена красавица и есть ли дети?» Ответ такой: «Да они же сами как дети, потерянные осколки войны, у каждого кто-то был, вот встретились два одиночества и держатся друг за друга, чтобы как-то дальше жить. Так и жили

За банями в доходном доме Крашенинникова на углу 1-го этажа жил Иван Егорыч.

они в угловой квартире и нередко, идя от метро домой по Селезневке, я видел их вечером сквозь тюлевые занавески обычно сидящими за столом силуэтами. Сейчас-то я понимаю, что это тоже форма счастья. Или их прошлое было наполнено куда более сильными смыслами? Это их тайна, с ними она и ушла.

Бани и дом Крашенинникова сегодня.

Переулок Достоевского от Селезнёвки.

Реновация и новый фонд

Честно говоря, уезжать с Достоевской не хотелось совсем. К чести властей, надо сказать, что с ножом к горлу никто не приставал, и вариантов переезда было много. Но все хотелось быть ближе к исходным колоннам театра. Поясню почему, хотя ход длинный. В 60-х начался слом деревянных, смешанных и других ветхих построек, и начали «втыкать» сначала башни — типовухи. Старая жизнь явно распадалась, друзья разъехались, все больше далеко, треугольный квартал потерял дворовую структуру и стал проходным во всех направлениях. Театр продолжал возвышаться уже над этой разрухой, хотя наш дом, да и остальные по Достоевского еще крепко держали улицу. Селезневка же была похожа на улыбку старухи: несколько кирпичных «зубов» стояли, включая дом № 30, керосиновую лавку на углу, дом Шурупенковых на другом, и дом с кафе-мороженым напротив нынешнего входа в метро

«Достоевская». Это промежуточное состояние длилось несколько лет. Меня за это время жизнь заставила окончить МАРХИ, колонны театра сыграли свою роль и, уже взрослыми глазами, я наблюдал трансформацию района. В начале 80-х Свердловский район начал формировать на Селезневке мелкое подобие Нового Арбата: двухэтажная «плашка» с обслуживанием, да жилые башни, иногда спаренные. Селезневка рывком стала «столичной». А на этой четной стороне раньше были только маленький продмаг, да кафешка, где иногда наливали шампанское к мороженому (то разрешалось, то вдруг нет). Старшеклассники рассказывали, как брали шампанское, приклеив усы и бороду, купленные в реквизитном магазине для школьных спектаклей. Может из-за них и шампанское запрещали. А, кстати, северная сторона улицы и раньше была пассивной. Только в середине стоял одинокий дом булочной. В целом, в общество потребления Селезневка вошла с большим опережени-

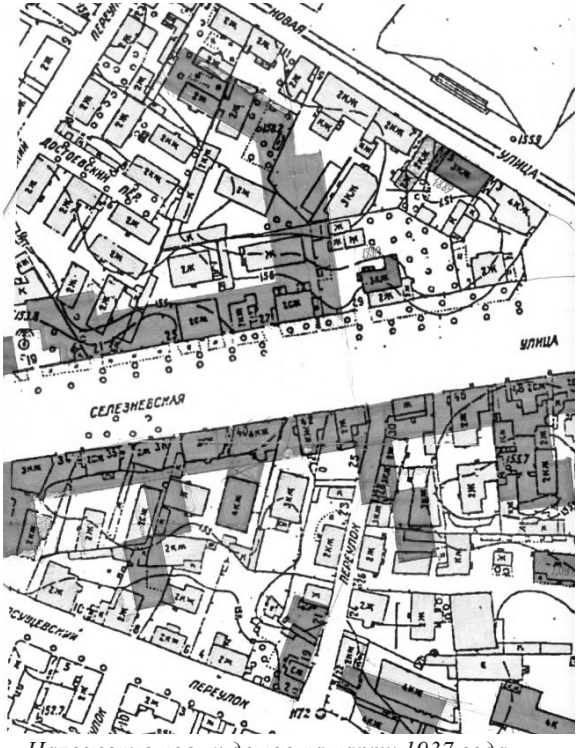
Селезнёвка конца 60-х. Перед реновацией.

Плотная «городская ткань» деревянных дворов у Селезнёвки. 1942 г.

«Новая» Селезнёвка сегодня.

Наложение новых домов на карту 1937 года.

ем по фонду. Южную часть до пруда делал «Моспроект», в середине 70-х домами одной уже отработанной серии повторного применения, северную, до Чернышевского переулка — «Военпроект» с 1987 по 1993 гг. двумя большими индивидуальными корпусами по 9 этажей.

Не удержусь и выскажу по одной претензии к обоим. Сначала по южной стороне. Башни Вулыха меридиональные, но допускается отклонение до 15 градусов свободно. Авторам понадобилось обязательно ставить их перпендикулярно Селезневке, хотя старая нарезка домовладений шла параллельно Никоновскому переулку, выходившему на Селезневку. Дом 32 до сих пор стоит под углом к северу в эти самые 15 градусов. Так, ради единообразия поставили пару Вулыховских башен прямо на переулок, а не вдоль него. Извиняет только то, что в 70-х, как и в 60-х много с чем не считались. Беречь старое еще не было принято, вот и не стало переулка, а 3-й Самотечный — без выхода через Ни-

коновский на Селезневку, а теперь и без прохода к метро, стал захолустной трассой трамвая. Даже линию застройки потерял на половине своей длины. Задний двор Селезневки. Вот градостроительные последствия: Самотечные переулки оказались принесены в жертву ненужным понтам авторов новой Селезневки.

По северной стороне. Ну ничем не могу объяснить 20-метрового отступа от старой линии застройки по улице Достоевского. Сейчас ее держит только особняк Мануйлова на углу Чернышевского переулка, то есть улицы почти нет. Если хотели создать буфер между домом МО и проезжей частью, то там транспортный поток минимален, и буфер совсем не нужен. А из-за этого уже никак не возродить застройку по Достоевскому переулку, ширины квартала не хватает. И тут его фронт держит только трасса трамвая, ЦТП и пара деревьев. А двор треугольного квартала туда, как бы, «вываливается». Это нормально? И, если в 70-х, когда строили южную сторо-

Вид от ул. Новослободской до и после реновации.

Дом Шурупенковых. Крепыш на все времена.

Виды на храм св.Пимена в створе Нововоротниковского пер.

Угол Чернышевского переулка (арх. Морозова).

ну и общество, и архитекторы, как его члены, еще не созрели для крупных работ в городе, то в конце 80-х слово «преемственность» было уже в ходу. Сделаем скидку, что северную часть делали люди в погонах. Что приказали, то и сделали. Эгоизм «элитных» домов всегда против здравого смысла. И что за новая площадь образуется слева от театра, уводящая от основной оси его постановки? Уже никто не объяснит повисших вопросов. Придется «улучшать» классическую композицию, когда закончат с метро.

Где-то в начале 80-х сносили первые номера 4-х, 3-х, 2-х этажных домов по нечетной стороне Божедомки (ул. Достоевского). Я свалил с работы и сидел на базе колонны напротив места, где столько всего было, с бутылкой чего-то и смотрел как наш дом сопротивлялся, напомню, стены были кирпичного максимума, да еще с карнизами, наличниками и пилястрами. «Баба» застряла где-то, пробив перекрытие над первым этажом, и ее долго не могли вынуть.

Владение С. Мейера по Чернышевскому пер. арх. М. Геппенер.

Это походило на отсечение головы Марии Стюарт, когда не с первого раза и неумело. Дом был сильнее квалификации отсекателей. А мысли крутились дальние: от революций плохо всем. Их просто нельзя допускать.

Ирония судьбы заключалась в том, что сегодня мои дети и внуки живут в одной из башен на Селезневке (сложный тройной обмен).

Дом самого архитектора М. Геппенера там же.

Дом адвоката Мануйлова один «держит» старую линию застройки Новой Божедомки.

С одной стороны, я рад, что у них в жизни было то, что у меня: и театр и парк и близость к центру и весь этот постландшафт Неглинки. С другой — масштаб среды укрупнен коробками в полном несоответствии с доставшейся этому сложному месту природной подосновой. Маленький клочок Т-образного переулка

Снесённый в 1979 г. молокозавод в стиле «модерн» арх. Бондаренко Н. Е.

Чернышевского пока еще сохраняет старую идентичность, как случайная резервация, куда еще не добрался московский строительный зуд. Прости, читатель, мое законное брюзжание. Другие на это матом ругаются. Им легче.

Никоновский переулок в 1960-х (до реновации).

Парк — точка силы

Чего у потомков нет и уже вряд ли будет. В парке ЦДСА (слово Екатерининский тогда никто не употреблял) было много вещей, обладавших пограничным смыслом. На месте площадки-роликодрома стоял летний театр. Там выступали джазовые оркестры высокого уровня. Это оркестры Олега Лундстрема, Карела Влаха, Карела Крautгартнера (Чехия) и даже Бэнни Гудмена, родители которого эмигрировали когда-то из-под Киева в Америку. Мы висели на деревьях по периметру и выли от восторга. Кто и как эти джазовые концерты пробивал, не знаю, но там была

Жалко заводик. Достойно «держал» и Божедомку и ул. Достоевского. Улица без него исчезает.

Бенни Гудмен играет на Красной площади.

«точка силы», вся Москва сходилась. Другой «точкой силы» был каток, не хуже, чем в парке Горького. Заливались корты и аллеи вокруг пруда. Там был пункт охраны порядка, который регулировали с помощью громкой связи. Это там я слышал невозможно усиленную

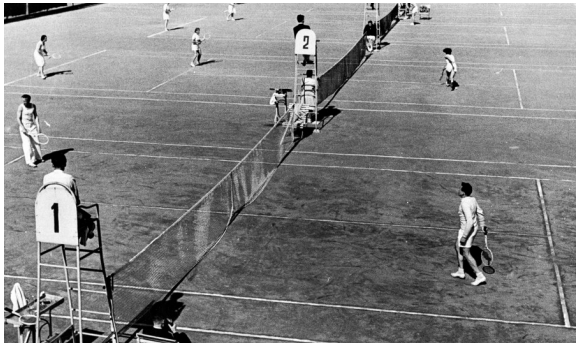
фразу: «мальчик на скамейке, слезь с девочки!» Это смешно, но именно каток был законным местом знакомств. Вечером до 16-ти лет не пускали, и мне, мелкому, приходилось класть в каждый ботинок по 2 плоских батарейки, чтобы только пройти. А там наденешь «канады» и вырос сразу на 7 см, остальное в твоих руках. Я катался довольно быстро, мне надо было как-то компенсировать малый рост. За скорость могли спокойно пришить «опасное катание» и забрать в пункт охраны. Сначала за порядком на льду следила пара ментов в форме, но на коньках. Они катались плохо и выглядели смешно, потом их заменили на каких-то спортсменов с повязками, но катавшихся прилично. Их называли «полицаями». Разница была существенная. Если задерживали менты, то почти однозначно это фиксировалось как «привод» в отделение, если дружинники с повязками, то еще можно было отболтаться. Но у этих был дефицит смелости и, когда, например, на боковой ал-

На втором плане — боковой фасад летнего театра ЦДКА.

Мозаичные пилоны у входа в парк в конце 60-х годов.

Павильоны парка с 30-х годов решались в едином классическом стиле.

Лекторий редко был интересен. Оживляли только музыкальные группы.

На корте знаменитый комментатор Николай Озеров.

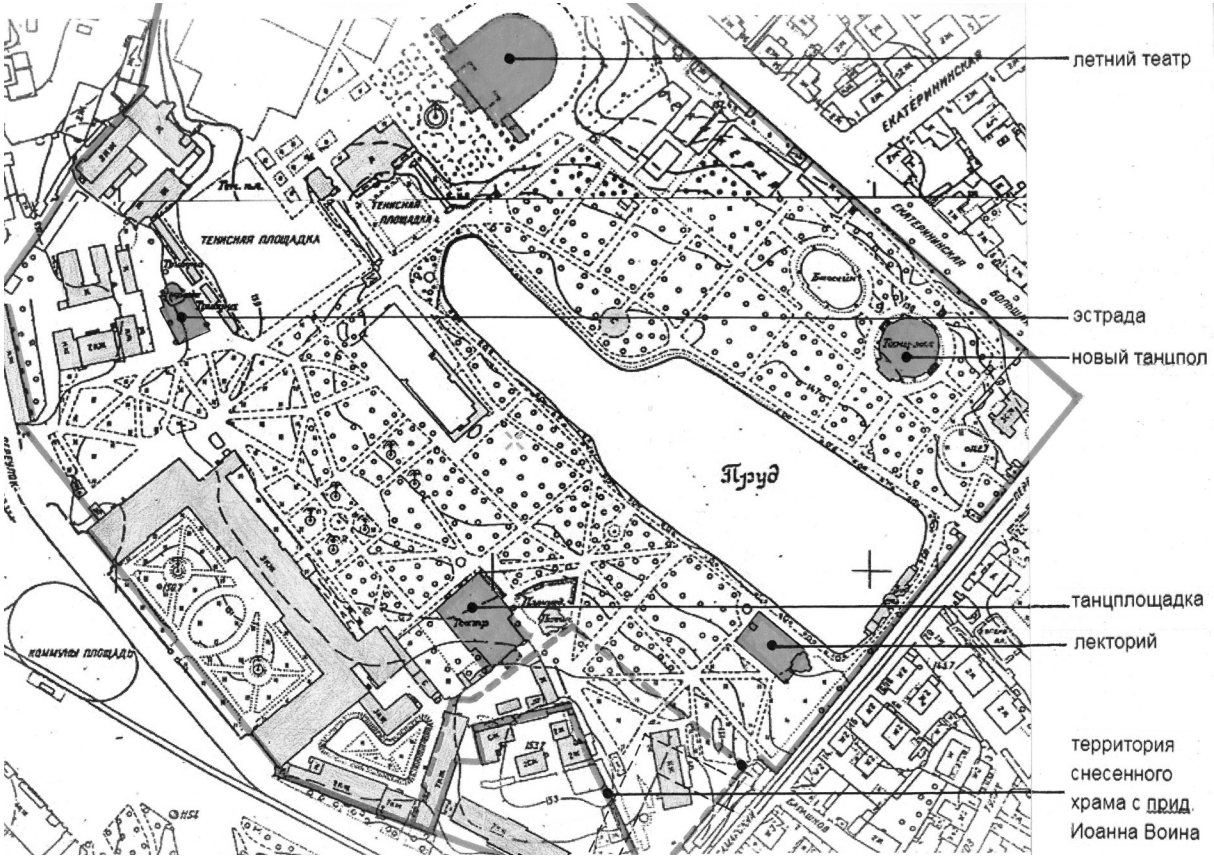
лейке случилась драка коньками (а это ничем не лучше поножовщины) двух шпанистых компаний из Марьиной Рощи, дружинников как ветром сдуло. Впрочем, кататься просто для удовольствия тоже удавалось, часто парами, держась руками впереди «крест на крест». Для этого необязательно быть знакомыми, считалось неприличным отказываться, если девушку, или наоборот, приглашали на пару кругов. Можно даже молча, но это уже считалось знакомством. В целом, нравы были простыми и вполне чистыми. Знакомый парень с Селезневки позже даже женился на клевой девушке из той же Марьиной Рощи через несколько лет после знакомства на катке ЦДСА. Дети пошли симпатичные.

Третьей точкой притяжения была, конечно, танцплощадка в парке. Находилась она на самом высоком месте парка. На этой горке (153,2) еще в начале XX века стоял храм Иоанна Воина, а при нем до 1732 г. — сараи, где были ямы со льдом и неизвест-

ными трупами для опознания. Неопознанных два раза в год отпевали и хоронили в общих ямах. Этот комплекс и называли «Божьим домом». Потом это действие перенесли на Лазаревское кладбище в Марьиной Роще, а после эпидемии и там закрыли по приказу все той же Ека-

Места силы» в парке 60-х

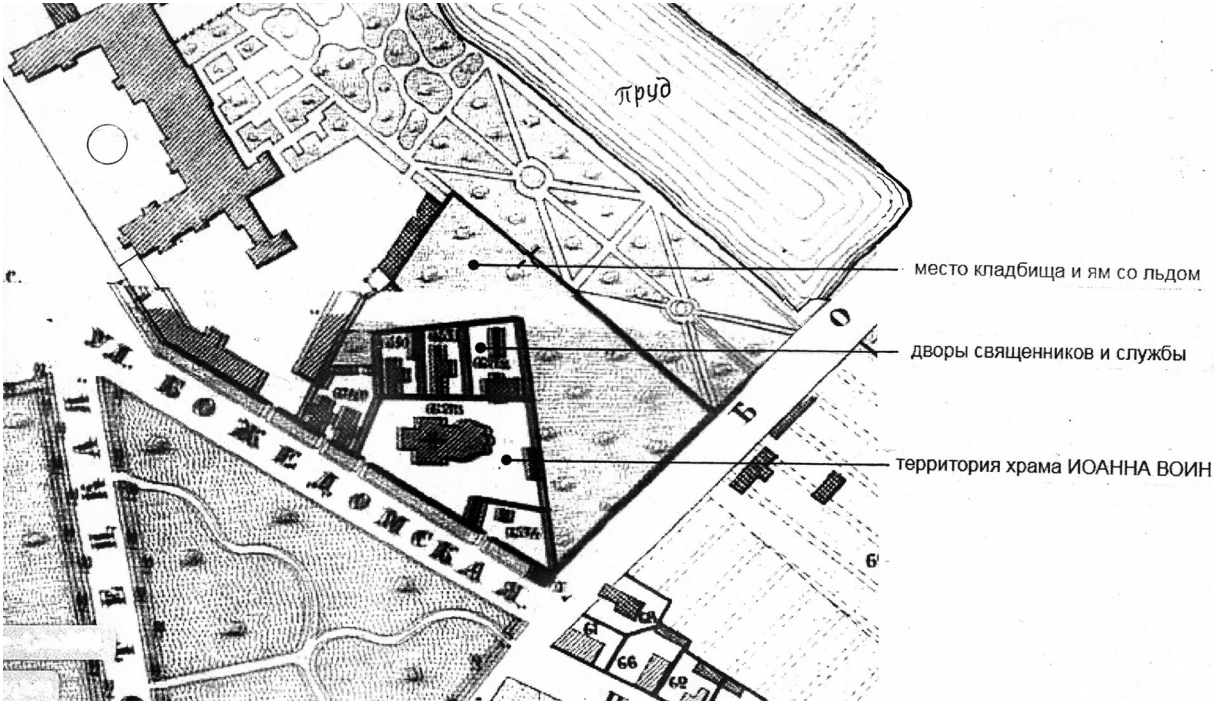

В 70-х качели были очень амплитудными.

терины II. Осталось название местности и двух улиц, пока одна не стала улицей Дурова, другая — улицей Достоевского. Был еще и Божедомский переулок, ставший Делегатской улицей. Все на «Д». И рядом с местом-источником этого названия и возникла танцплощадка на самой высокой отметке парка.

Танцплощадка на горке, по-моему, дожила до 70-х и для того време-

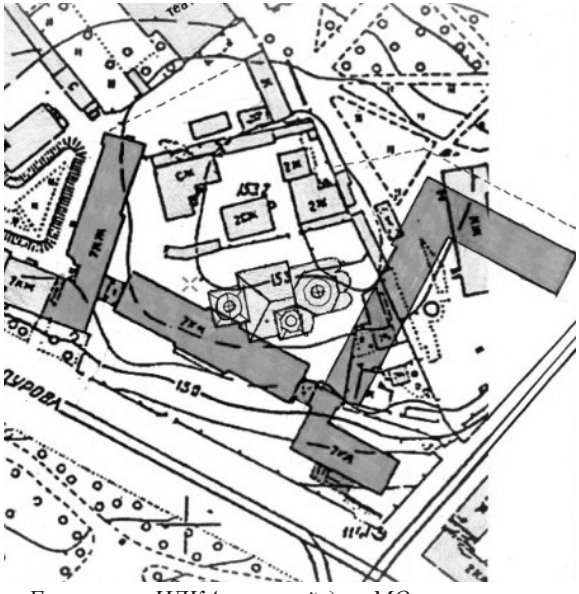
Храм Ивана Воина и Божий Дом были на холме у реки Напрудной.

ни она была похожа на все остальные площадки России. Мастерство танца всегда вынуждено было соседствовать с двумя видами борьбы: борьба за лидерство и «борьба за самку», где второе было производным от первого. И то и другое рано или поздно приводило к дракам и надолго портило настроение. Этого не было только на гарнизонных площадках, и то в Подлипках были драки, а там всегда ходили патрули. Ведь драка — вещь быстрая. Трудно успеть помешать — хотя, когда два фраера с Троицкой горки достали ножи и уткнули мне в пупок, а другу Эдику в кадык, истошный женский крик их заставил так быстро спрятать ножи, что никто и ничего вокруг не понял. А она, увидела, поняла и среагировала. До сих пор помню ее лицо. До этого не видел. Спасибо.

Потом сделали танцплощадку у входа с Олимпийского под диском перекрытия, и он рухнул от большого снега где-то уже в нулевых. Но эта была уже площадка друго-

Ресторан работал и на парк.

Гостиница ЦДКА и жилой дом МО заняли господствующую высоту.

Беседка была всегда: то читальня, то шахматный клуб.

Летний театр 30-е годы.

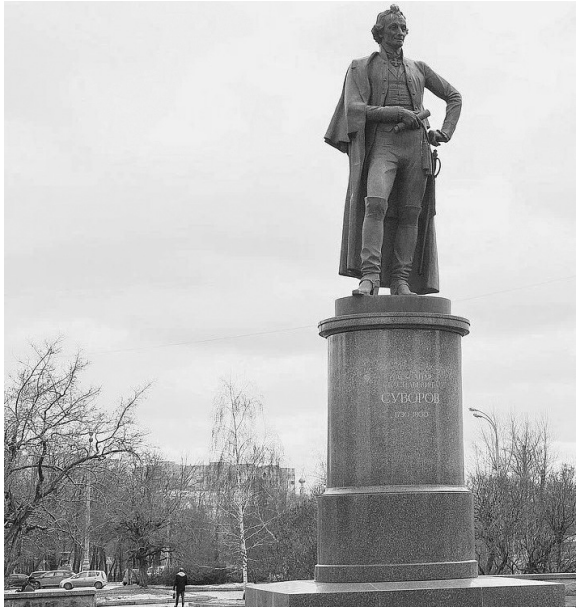
го времени. Собирались серьезные пары со всей Москвы и всех возрастов. Танцевали красиво, а зрители стояли и оценивали. Правда, я однажды видел там и мигрантов, играющих в мини-футбол. И это, наверное, одна из немногих острых социальных тем, остальные притупились, и сегодня парк ЦДСА хорошо вписался в эпоху потребления: много вкусной еды, немного развлечений. Пока хватает, порядок строгий. Праздники делает Минобороны.

ЦДКА-ЦСКА

Ну, никак нельзя не рассказать о самом ДОМе Советской Армии. До сих пор не пойму, как там умещалось все то, что сегодня разбросано по всему городу. А в 50–60-х все, что относилось к ЦДКА, потом ЦДСА, потом к ЦСКА (Центральный Спортивный Клуб Армии) умещалось в одном здании бывшего Екатерининского женского института.

Северный флигель: кассы кинотеатра на 1-м этаже и кинозал на 2-м; весь остальной 1-й этаж — музей Вооруженных сил СССР. Сегодня это огромное здание на ул. Советской Армии. Кино работало в ежедневном режиме. Все шло «первым экраном». Кинозал был универсальным, поэтому были при нем репетиционные и вспомогательные помещения.

Центральная часть: это весь официоз, актовый зал с большими кулуарами, нарядные лестницы и т.д.

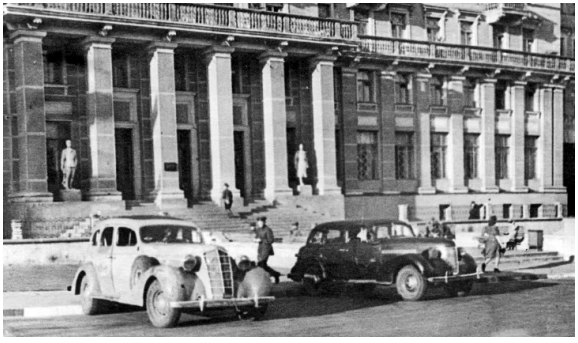
Все ждали Суворова на коне. Но вышло лучше.

Фото с театра в 40-е годы.

В 30-х в сквере ещё были большие деревья.

Отставники говорили, что в годы репрессий командиров вызывали в гостиницу и ночью «брали».

На 1-м этаже очень хороший ресторан, летом работавший и на веранду сада. В доме офицеров часто праздники и награждения. Иногда похороны маршалов и героев.

Южный корпус: шахматный клуб, секция бокса с раздевалками, где тренировались сильнейшие боксеры того времени: тяжеловес Андрей Абрамов, средневес Юрий Радоняк и др. чемпионы СССР; рядом секция борьбы (вольники и классики, про каратэ еще не знали), секция фехтования и т.д. И там же проводились соревнования.

Кроме того, на 2-м этаже занимались бальными и прочими танцами и там крутились с бешеной скоростью такие фигуристые существа, которые на Селезневке разворачивали головы всех встречных как подсолнухи. Все лучшее было рядом и МО внутренне благодарили все окрестные жители. Армия зримо была с народом, который и защищала, и образовывала. Сейчас бы это назвали «культурным кластером». Очень высокой была концентрация видов дея-

Дом Красной Армии в 30-х.

тельности. С 14-ти я ходил на бокс, это просто перейти площадь. И политическая выгода очевидна: все быстро узнают, что тебя уже можно не бить, и без них есть кому.

Теперь все это богатство жизни разлетелось по Москве. Возникает вопрос: чем же еще более полезным занята освободившаяся недвижимость?! Ну, а если серьезно, то нам, селезневским, повезло больше, чем

Это было до бюста М. Фрунзе.

Другое поколение ребят из дома 2 по ул. Достоевского.

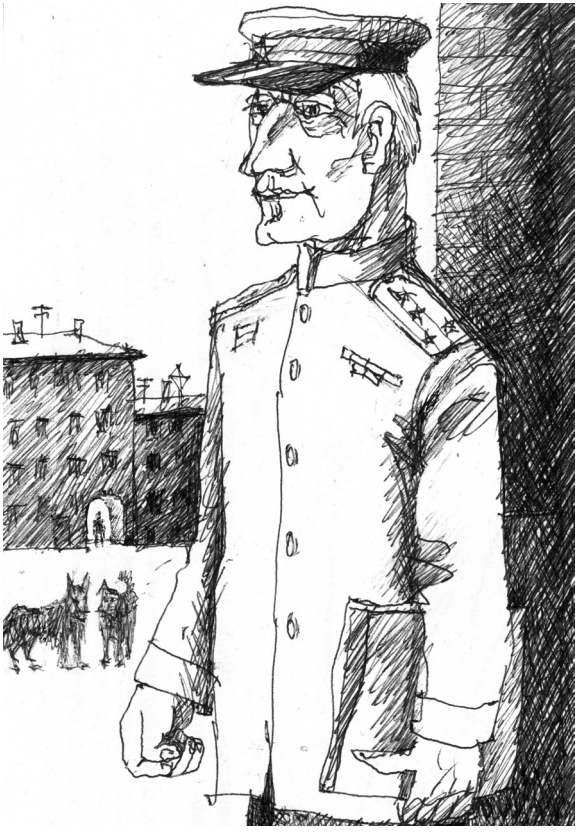
другим. Мы, дети погибших, изувеченных, контуженных и, простите, иногда спившихся солдат и офицеров получали от МО хоть какую-то компенсацию в виде выбора сфер дальнейшей жизни, потому что были и другие предложения, на которые лучше не откликаться. Один из моих приятелей прочно сел, другого убили. Все опять же было рядом, на Селезневке.

Улетёнок

Это фамилия нашего участкового от 64 о/м г. Москвы. Высокий и крепкий человек, лицом похожий на питерского актёра Александра Лыкова, того, что с крупным носом, ну совсем не красавец, зато видный. Не знаю, кем он был на войне, но уцелел, и на кителе была орденская планка. Ходил всегда в кителе, кобуры видно не было, но вёл он себя естественно и свободно, будучи прочно уверенным в себе. Знаменит участковый тем, что знал всех

и всегда был в курсе того, что происходит на участке. Я запомнил его вечно с кем-то разговаривающим. То с бабками у подъездов, то с пацанами, куда-то нацелившимися, то со взрослыми мужиками о чём-то подолгу. Он не вызывал отчуждения, из-за того, что «мент», и было заметно, что говорят с ним охотно. Видимо поэтому он всё и знал.

Район, вообще-то, был довольно криминальный. Не раз слышал от взрослых, что ЦДСА — ворота в Марьину рощу. На самом деле очень многие из взрослых и молодых сидели. Это не скрывалось, было, как бы, в порядке вещей, причём сидели и фронтовики тоже. Образ Левченко из фильма Говорухина оказался расхожим. Да и понятие «шпаны» выглядело не таким, как сейчас. Оно было размытым, и шпаной мог оказаться любой из нас, даже будучи отличником. Всем не хватало мужской руки, мои друзья поголовно росли безотцовщиной. Женщины с подростками явно не справлялись. Мы сами педалиро-

Конец 50-х. Такие же, как я.

Так развозили водку.

В доме Шурупенковых в 60-х был 2 отдел ГАИ. Велосипеды с тротуаров гнали.

вали наше взросление, а достойных примеров в жизни-то не видели. Вот и заполняла эту пустоту полублатная романтика с испытаниями на доблесть. Например, мне, мелкому, но уже ловкому, ничего не стоило подскочить к конной повозке с ящиками водки и выхватить бутылку незаметно для сонного возницы. Бутылку мы продали мужику у магазина и купили много мороженого. Водку мы еще не ценили, зато тебя уже держали за смелого пацана, ну что ещё надо подростку! Но кто-то из ребят, видно, трепанул, и Улетёнок при встрече остановился и сказал: «Ой не на тех лошадках ты катаешься, парень, это ж статья!» Так прошла первая профилактическая беседа, но я думал не про статью, а кто же сдал, ну не мог же Улетёнок видеть, он бы свистнул, наверное. Мог видеть, а мог и слышать. За квартирную кражу арестовали старшего брата моего одноклассника. Он добрый парень был, спортсмен, дал слабину, но в квартире не был, а стоял на стрёме. Их

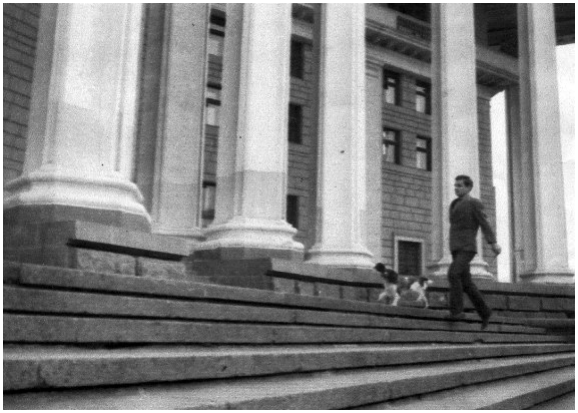
было много и всех осудили на разные сроки, брату дали меньше всех. Мой приятель рассказал, что Улетёнок к ним пришёл, успокоил мать, рассказал, где содержат, и какого адвоката хорошо бы нанять. Сегодня такой участковый даже в сериале не может возникнуть. Много позже я понял, что Улетёнок, по сути, нас безвозмездно «крышевал» и пытался удержать от беды, хотя бы до первых признаков зрелости. К сожалению, мы его плохо знали, всё-таки мент, да и он держал дистанцию, но мне трудно однозначно оценить его мотивацию. То ли он был прирождённый воспитатель, то ли комплексовал, что выжил, и сын его в порядке, а мы все «подранки» и похожи на мины, сорванные с якоря, а может он был просто правильный и добрый мужик. Или было всё вместе, как и хочется думать. Не зря же я его до сих пор вспоминаю и всегда с теплом и улыбкой на совсем не подходящую ему легкомысленную фамилию.

В доме слева было 64 о/м г. Москвы, где работал Улетёнок.

Милиция на мотоциклах была очень оперативна.

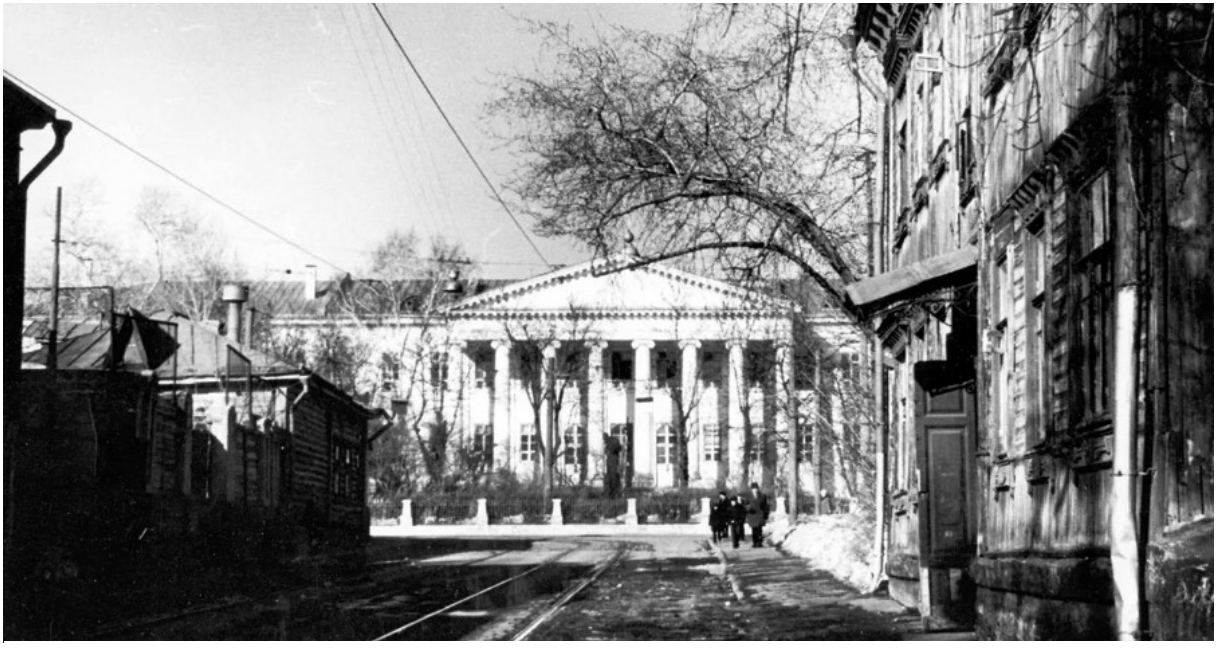

Музей Есенина во флигеле дома С. Мейера. Поэт здесь бывал, но не жил.

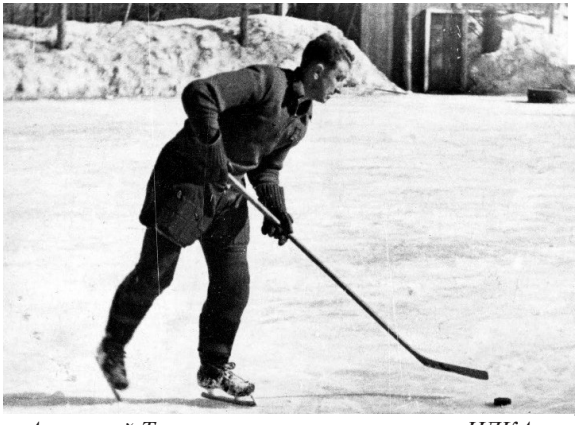
Интересы

Я давно присматривался к высокому парню из соседней деревяшки. Он был на пару лет старше и ходил с неудобным ящиком. Это был этюдник, и он ездил в художественную школу на Кропоткинской. Посмотрел мои потуги в альбомах и сказал: «Ну чо, давай готовься». Звали его Сашка Солдатов, и он уже оканчивал художку. Был он высок, спортивен и обладал лицом, по которому легко читалось, что он пойдет до конца, поэтому к нему никто никогда не приставал, он был «при деле», хорошо и быстро рисовал и даже уже подрабатывал на Каляевской в Союзмультфильме. Почти готовый художник. Мне дико повезло, что он поруководил летом моей подготовкой, и с его подачи я поступил в школу, которую он только что окончил. Благодаря ему мое существование обрело, наконец, вектор и смысл. Я тоже стал «при деле», как Солдатов. Спасибо ему, теперь и я начал таскать неудобный этюдник.

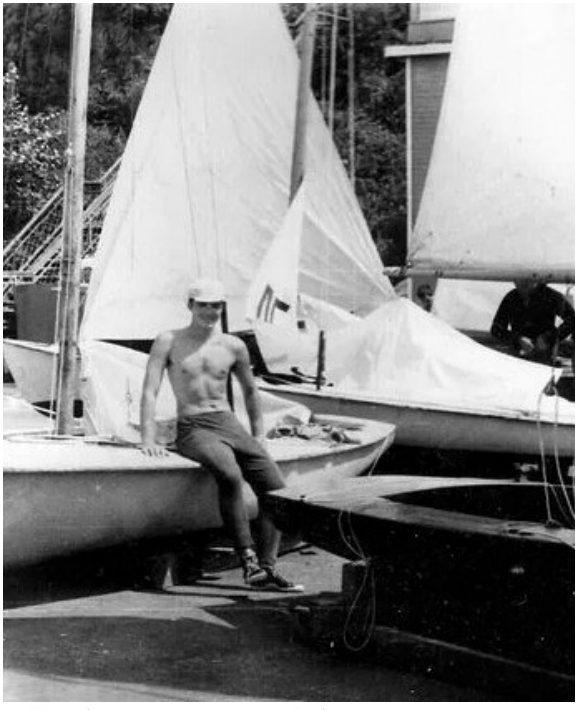
Убогость деревянного окружения делала «Маришку» манящей мечтой.

Вообще, к концу школы уже очень многие ребята обзавелись интересами, география которых находилась далеко за пределами места проживания. Еще в классе 8-м мой приятель и сосед по парте Эдик Ломанов учил галсы и приемы лавировки парусных судов, в 16 лет сдал экзамен на управление яхтой и все свободное время проводил в Водниках, ошкуривая, окрашивая и выгуливая разные типы яхт с весны до осени.

Анатолий Тарасов тренируется в парке ЦДКА.

На обслуживании яхт в Водниках.

Этот «спорт миллионеров» в наших условиях требовал каторжного обслуживания ради блестящих праздников регат и соревнований, и Эдик ушел из школы в «холодильный» техникум, где учеба была попроще, но регатами он не поступился. Такой же выбор сделал и Пуля (Толик Пульков) из дома 11 по Достоевской, который стал призером и чемпионом области в классе «Звездный». Пару раз они брали меня на соревнования, если нуждались в оцеплении или контроле. Обстановка была очень свойская, даже братская. Там незнакомые ребята поставили меня на водные лыжи. Тогда это было новинкой. Разве забудешь?!

Пока я учился рисовать при школе № 193 (теперь 1275) сложился какой-то замечательный театральный кружок, который не рассыпался и после окончания, а как-то зацепился за ДК на Пресне, и там давали современные пьесы, на которые ходили и заядлые театралы Москвы. Сам я к театралам не относился, но мои школьные друзья, историк Шура

Синярев и медик Юрка Орлов посещали этот молодежный клуб довольно долго, их он подзаряжал, во-первых, а, во-вторых, там, как в каждом театре были красивые актрисы.

В двухэтажном доме 36 по Селезневке на втором этаже жил Лерка Ефимов. Вообще-то звали его Валерий, но он сам так себя звал с детства. И закрепилось. Жил —

Быстрые бальные танцы незаметно превращались в рок.

Яхты всегда тянуло рисовать.

Театральные кружки были почти во всех школах.

слово условное, потому что, окончив какой-то техникум, он не вылезал из геологических экспедиций. Был он геодезистом и без него там никак. Когда приезжал, то всех быстро обходил, показав, что приехал, и нам, проходя по Селезневке, оставалось только крикнуть: «Лер!!» И он высовывался в окно с уже зажженной сигаретой. Когда его просили: «Ты бы поменьше курил», ответ был один: «Тогда комары сожрут, до косточек.» Иногда он быстро спускался, и шли попить пивка, и он рассказывал, где был, что удивило и чего там нового в земле нашли. Ему нравилась его работа в диких безлюдных местах, но чувствовалось, что не места его влекут, а комфорт человеческих отношений, где, судя по всему, его любили тоже и не по причине незаменимости, а потому, что он стабилизировал любую компанию своим спокойствием, ладным сложением, доброй улыбкой. На мой взгляд, он был просто красив, но из тех, кому об этом почему-то не сказали вовремя,

чтобы он успел обратить это себе на пользу. И цены он себе не знал. И нас он именно этим и притягивал. Погиб он, не прожив и 30 лет от какой-то малоизвестной инфекции, вернувшись из очередной экспедиции. По Ефимову все очень горевали. Таких светлых людей всегда было немного. Не только сегодня.

Дом Лерки Ефимова — Селезнёвка 38.

Пал Фёдрыч

Это очень московский человек. А лет ему было 60-70, и внешне он был классический алкоголик. Лицо фиолетовое, нос картошкой, при этом он ещё сильно хромал, одна нога была короче. Живота не помню, может и совсем не было. Фигура, однако, характерна: при ходьбе попку он отклячивал назад, а ногу вытягивал, чтобы стоять на носке, как бы, выравнивая длину её со здоровой ногой. Несмотря на облик (а одевался Пал Федрыч тоже проще некуда), он пользовался общим уважением. Потому, что был сапожником, очень

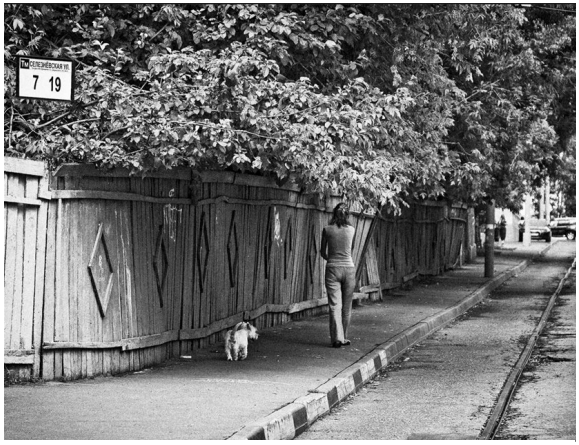

Селезнёвка волнуется. 1905 г.

хорошим и предельно порядочным. Работал дома, заказы всегда выполнял в обещанный срок, а плату брал дифференцированно: с неимущих поменьше, с обеспеченных побольше, то есть был социальным регулятором. Я не знаю его историю, но по всему было видно, что он «знал хорошие времена». Речь всегда уважительна, ни разу не слышал от него мата. С дамами-клиентками разговаривал настолько обходительно, что многие считали, будто когда-то он был офицером ещё первой мировой. Насколько это правда, никто не знал наверняка, но культурная подоснова какая-то, несомненно, была. Все знали, что он пьёт, но никто не позволял себе к нему никаких пренебрежительных интонаций. Молодёжь с ним здоровалась весело — пожалуй, дальше этой весёлой вольности никто не шёл. Не раз я видел, что он говорил с мужиками на разные темы, и его внимательно выслушивали. Уважения он был достоин безусловно и, хотя бы за то, что его никто и никог-

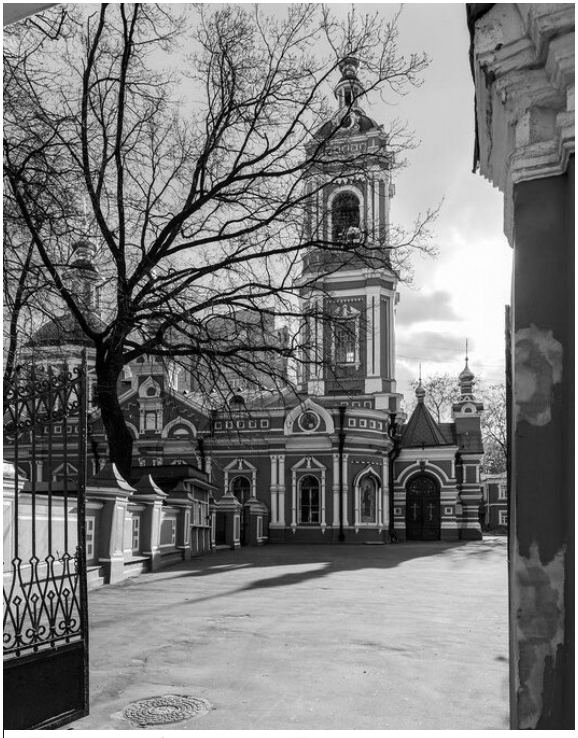
да не видел не то, чтобы пьяным, а даже слегка навеселе. Несмотря на то, что это совсем не вязалось с его внешностью. Я, как и многие, носил к нему обувь и видел обстановку в его единственной комнате, метров на 12–14, в доме рядом с булочной, на 1-м этаже. Аскетичнее некуда: вдоль стены длинная лавка с обувью, в углу железная кровать,

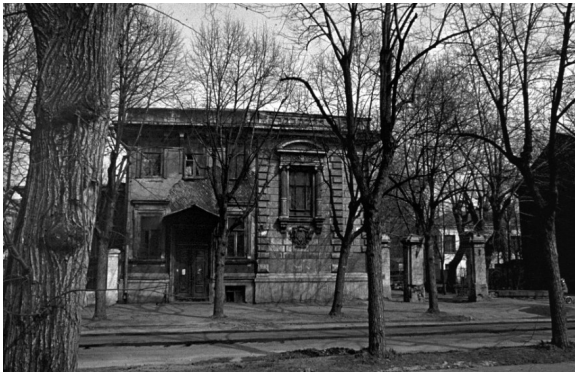
Переулок Достоевского совсем недавно.

Хорошие и почти знакомые лица.

Главный вход в храм св. Пимена, что в Воротниках.

Дом Соломона Мейера до реставрации.

посреди комнаты — станок из ящика с колодками, посуда и чайник на 2-х подоконниках. Но была и полка с книгами. Один стул для клиентов и примерок, а для себя — табуретка перед станком. И больше ничего. Может что и было на коммунальной кухне, где он ел, а в комнате не было ни стаканов, ни бутылок, никаких следов пьянства. И даже довольно чисто. У каждой обувки — бумажка с фамилией. Всё аккуратно. Помню, шёл по липовой аллее, а он стоял напротив своего дома, разговаривал с женщиной и был явно возбуждён, что случалось редко, даже махнул пару раз рукой. Проходя, я поздоровался, он кивнул, а женщине, как бы подытоживая разговор: «Я не угодник, я — мастер». И с горделивой ноткой мне: «Ну, много нарисовал?!» Помнил, что я в художку поступил.

193/18/1275

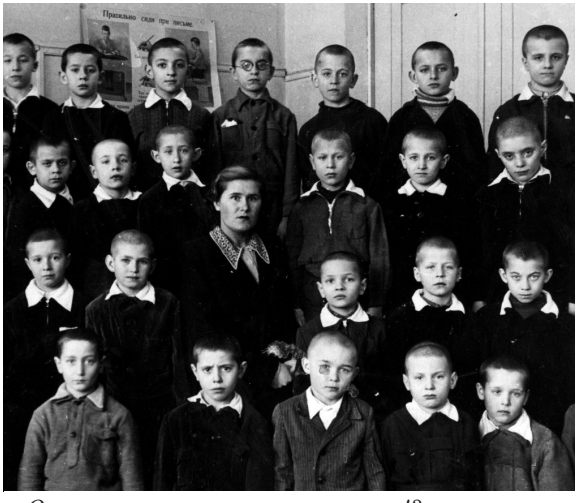
Вообще-то, наша 193 школа тасовалась несколько раз радикально. С третьего класса мы учились испанскому языку. Преподавали его настоящие испанцы, детьми эвакуированные из Испании победившего Франко в 1938 году. Учительницей была невероятно красивая девушка

Весна на Новой Божедомке.

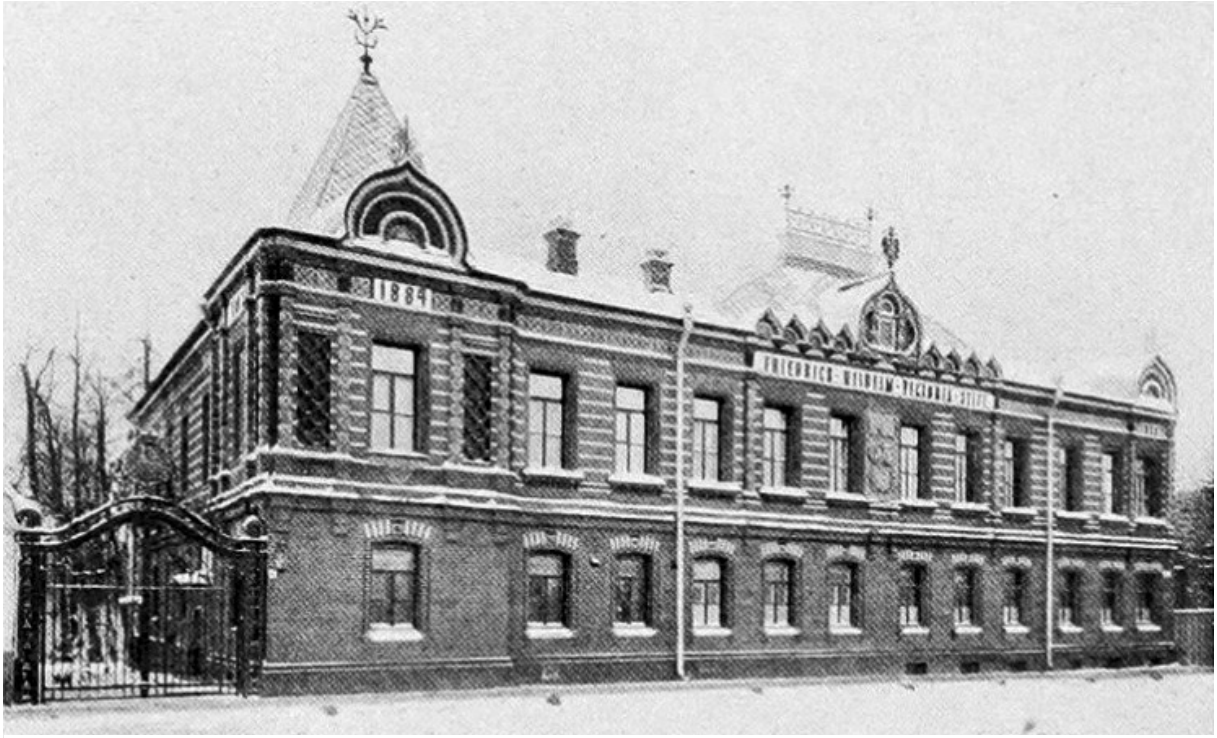
Наша школа 193–18–1275 не отличалась особым радушием со штукатуркой и без неё.

Очень интересно, кто как прожил!?

по имени Чара Михайловна Гарсия. Ее все обожали и учились языку наперегонки ради одной ее благосклонности. Таких школ в Москве было 5. В 6-м классе пошло совместное обучение и заодно выяснилось, что с испанским в ВУЗы не берут, кроме специальных. Состав школы перетасовали дважды, и по языку, и по гендерным признакам, и по месту проживания. Испанский пришлось забыть, английский пошел поздновато и, в общем, «не пошел». После 7-го неуспевающие разошлись по училищам и техникумам, а остатки свели в один выпускной класс. Так что играть в «одноклассники» нам было непросто.

Интересный факт: западнее по фронту Н. Божедомки с 1886 года стоял приют-гимназия Фридриха Вильгельма, по-нашему — школа-интернат для германских подданных. После 1917 г. ее заселили коммуналками до сноса в 1975 г. Наша школа родилась только в 1934 г. Она была до 70-х из темно-красного кирпича без штукатурки. И, пока мы учились,

Школа-приют для германских подданных 1886 г.

никто не знал про бывшую «германскую» школу, ученики которой наверняка еще купались в прудах Неглинки, спущенных в трубу только в 1915-16 годах. Интересно же, как учили в школах тогдашнего противника, дрались ли, прогуливали?

Для школы того времени у нас был идеальный директор И. В. Бородулин, по слухам, руководивший

Выпускной 10 «Б» 1959 г.

Под флагом слева — бывшая школа-приют для германских подданных.

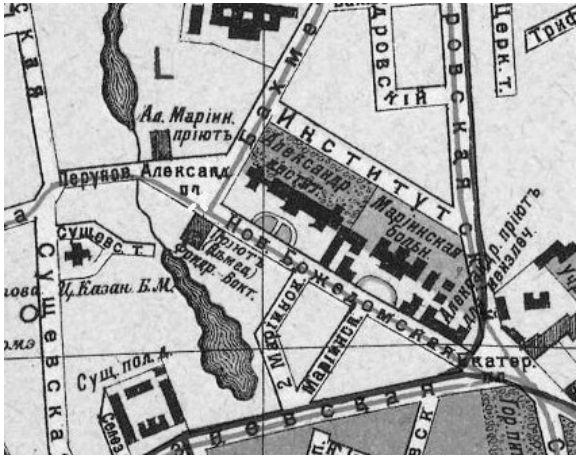
Здание бывшей германской школы до сноса в 1975 г.

до этого детской колонией, хорошо знавший наш «пограничный» контингент, и легко объяснявший зарвавшимся недорослям, что с ними будет дальше. Он был объективно очень хорошим воспитателем и уважаемым мужиком. Очень запомнился интеллигентный фронтовик Н.И. Иванов, преподаватель истории, объяснявший нам сложные вопросы о военных неудачах, штрафбатах и совсем уж запретных власовцах. Хрущевская оттепель промчалась,

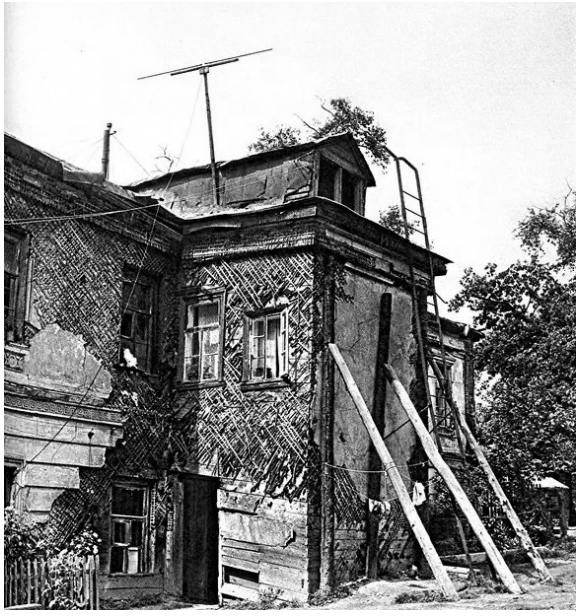
гайки уже закручивались, а он рассказывал нам по-взрослому доверительно и без опаски. Видимо свое он отбоялся. А для нас это был тогда едва ли не единственный авторитетный источник знаний об обстановке, в которой действовали и гибли наши отцы.

Чтобы не сложилось впечатление, что в 193-й школе училась только шпана, с удовольствием сообщу, что она учила и двух Викторов: Домащенко и Матвеенко, бывших многолетними ведущими «Пионерской зорьки», радиопередачи, будившей всех по утрам. Годом позже меня эту школу окончил и Дмитрий Покровский, ставший создателем знаменитого фольклорного ансамбля русской песни. Была еще группа победителей всех Олимпиад, прямиком из школы поступившая в Физтех и Бауманку. Честь им и хвала школе.

В 80-90-х наша ординарная школа превратилась во французскую спецшколу, куда возили на черных машинах с охраной внуков и детей высших руководителей страны (Ель-

На плане видно, как близок пруд Неглинки. Он был на месте стадиона.

Дом у школы 193, где жил друг Игорь Малков и нянечка тётя Оня.

Фото Самотёчной площади 30-х-40-х. Эстакада появилась в начале 60-х.

Здание банка МКБ на Цветном 32. Архитектурная мастерская «АРТЭ+». 2010 г.

цина, Ястржемского и др.), что, наверное, говорило о возросшем качестве образования, но и в целом этот объект изменился. Когда мою дочку, окончившую эту же школу, вызвали на педсовет по поводу драки старшего внука с таким же пацаном, я пошел с ней и увидел большую группу перепуганных женщин, включая капитаншу по работе с малолетними, кому испуг не положен. Они рисовали ситуацию близкого прихода антихриста, а на стене висел портрет нашего Ивана Бородулина (спасибо, не забыли), о котором они ничего не знали. Меня тоже не послушали, довели обоих ребят до слез, выказав полное бессилие воспитательской мысли. Наш парень стал архитектором, его спарринг-партнёр тоже кем-то стал, антихрист не пришел. Школа стоит, и в ней как-то учат.

А стоит она на бывшем берегу реки Неглинной (она была уже в трубе, когда школу построили). А когда я со второго раза все-таки поступил в МАРХИ, то почти семь лет ходил учиться вдоль трассы трубы Нег-

линки, через Самотеку, Цветной бульвар и Трубную площадь в свой ВУЗ. Связи вроде никакой, но нашей мастерской потом достались в работу с десяток домов в кварталах между Цветным бульваром и Трубной улицей, на Б. Сухаревском и 1-м Волконском переулках. После плановой реконструкции трубы в 90-х семиэтажный дом 32 по Цветному дал трещину на всю высоту, его снесли, и нам же досталась сделать банк МКБ, вошедший в десятку лучших зданий за 2009 год. Что только не доводилось осмысливать и проектировать и по Москве, и вне ее, но, объективно, я всю жизнь вольно или невольно, топчусь до сих пор в пойме Неглинки. Как селезень.

Бывший головной офис «Абсолют» банка «АМ АРТЭ+». 2005 г.

Административное здание по 1-му Волконскому пер. 13 «АМ. АРТЭ+». 2003 г.

Бывшее здание «Бизнес-банка» с жилым домом (превращено в офисы) «АМ АРТЭ». 1996 г.

Содержание

Предисловие 1
Селезневка 4
Театр 8
Место 15
Дом на Божедомке 20
Иван Егорыч 30
Реновация и новый фонд 34
Парк — точка силы 41
ЦДКА-ЦСКА 48
Улетёнок 52
Интересы 56
Пал Фёдрыч 61
193/18/1275 65